

**ИРИНА РОМАНОВНА ФИШЕР
(ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА)**

Долгие 75 лет в Марийском крае «кузницей педагогических кадров» и одним из ведущих учебных заведений являлся Марийский педагогический институт имени Н.К. Крупской. Исторический факультет (одно время историко-филологический) в институте всегда гордился своими преподавателями и студентами. Среди выпускников «истфака» – второй Президент Республики Марий Эл, советские партийные деятели, министры, генералы, заслуженные учителя, ученые, государственные служащие и просто хорошие, честные люди.

Редкими сейчас стали встречи выпускников, все чаще они общаются на виртуальных просторах Интернета, на одноклассниках.ru, но неизменным на протяжении долгих лет при встрече «истфиловцев» был вопрос: «А как там поживает Ирина Романовна?». Представить исторический факультет Марийского педагогического института 1960–2000-х гг. без этой удивительной женщины невозможно. Она всегда привлекала внимание «неместным говором», высоким профессионализмом, рафинированной интеллигентностью, остротой ума, ухоженностью и каким-то особым женским шармом.

11 декабря 2009 года доктору исторических наук, профессору Ирине Романовне Фишер исполнилось бы 80 лет. Этот очерк готовился к ее юбилею, который она бы впервые отмечала уже вне стен родной кафедры истории. Время, возраст, болезни стали причиной ее ухода из университета. И в этот новый период жизни Ирина Романовна впервые решила рассказать своим ученикам и коллегам о своей жизни, судьбе, карьере, о том теплом отношении и благодарности, которые она испытывает к тем, с кем вместе шла по жизни, кто был рядом в радости и горе. Очерк готовился на основе интервью с Ириной Романовной, а также воспоминаний ее учеников и коллег. В период подготовки материалов к публикации 19 октября 2009 года в 3 часа ночи перестало биться сердце этой мужественной и прекрасной женщины, которая до последнего своего вздоха боролась за жизнь, думала о близких, оставалась достойным и красивым Человеком.

Так, юбилейный очерк стал одновременно и очерком памяти Ирины Романовны Фишер. Воспоминания коллег и учеников готовились как своего рода подарок к ее юбилею, поэтому авторы в них обращаются к Ирине Романовне в настоящем времени, поздравляют ее. Эти тексты поддерживали Ирину Романовну в последние дни ее жизни, она успела их прочитать.

О семье, детстве

Ирина Романовна родилась 11 декабря 1929 года в Саратове, в небогатой еврейской семье. Отец, Рувим Меерович, был родом из местечка Глубокое под Вильно, откуда он вместе со своей матерью, 8 братьями и сестрами бежали в 1914 году от войны и погромов в Саратовскую губернию, где они и осели. Во время Великой Отечественной войны он прошел солдатом от Волги до Вислы, вернулся с фронта инвалидом. Счастье его возвращения было недолгим. В 1962 году он умер в возрасте 52 лет. Мама, Лидия Самуиловна Яблонская, была дочерью музыканта, модницей и красавицей. Коллеги Ирины Романовны по педагогическому институту хорошо помнят эту

милую женщину, которая часто навещала свою дочь в Йошкар-Оле. Здесь она умерла во время одного из визитов в 1974 году и была похоронена на городском кладбище.

Многие, кто приходил в гостеприимный дом Ирины Романовны, знают, как здесь бережно хранятся предметы быта из родительского дома – вышитая крестом скатерть, менажница Кузнецовского фарфора, старинная ваза под Веджвуд, семейные фотографии.

Культурная жизнь Саратова, где прошли детство и юность Ирины Романовны, мало напоминала провинциальную глушь. Пятилетнюю Иру мама впервые повела в Саратовский театр оперы и балета на оперу Пуччини «Мадам Баттерфляй», которая произвела на нее огромное впечатление. В пять лет Ирина уже бегло читала. Первый автор, прочитанный самостоятельно, был А.С. Пушкин – «Сказка о рыбаке и золотой рыбке». Он и остался любимым автором на всю жизнь, многие его произведения она помнила наизусть. Классическая литература, музыка, искусство были значительной частью духовной жизни И.Р. Фишер.

В семье Фишер отношения родителей и детей были основаны на взаимной любви, уважении и доверии. В семье не было запретов. Ни мама, ни папа никогда не стесняли детей. Воспитание детей – Иры и ее брата Александра, было основано на огромном доверии и любви. Младшие не знали назойливого контроля и строгих запретов взрослых. Они свободно общались с друзьями, сами выбирали занятия и развлечения, планировали свое время, учились самостоятельно. Как вспоминала Ирина Романовна: «Мама только ходила на собрания в школу, получала похвальные грамоты и одновременно сетования учителей на детей-непосед». Маленькая Ира с мальчишеской стрижкой после перенесенного в 1943 году тифа была озорной и смысленной девочкой. Ирина Романовна сама признавалась: «Болтала на уроках, ее постоянно выставляли из класса».

Особую роль в ее воспитании сыграли семья и школа. Ирина Романовна помнила по именам всех своих школьных учителей и часто повторяла: «Они сделали из меня достойного человека». Особую память Ирина Романовна сохранила об учительнице русского языка и литературы Марии Алексеевне Ванюшиной, которая наизусть в лицах читала ученикам «Горе от ума» А.С. Грибоедова; о блестящей преподавательнице истории Ольге Илларионовне Мерцаловой. Решение стать историком пришло именно тогда, в военные годы, на школьной скамье. Это желание во многом определила учительница истории. По воспоминаниям Ирины Романовны, она была уникальным педагогом; в их классе она вела уроки истории с 7 по 10 класс. После ее уроков Ира Фишер уже ничего не желала, как только быть историком.

Дети войны

Учеба в школе совпала с трудными военными годами. В 1943 году маленькая Ирина заболела брюшным тифом и потеряла свою красивую косу. Пришлось стричься наголо, и прежних роскошных волос уже не было, поэтому в школе учителя часто повторяли: «Стриженная, не вертись!» Сначала была учеба в саратовской школе № 19, а в седьмом классе Иру перевели в школу № 13, т.к. с 1943 года школы разделили на женские и мужские. Классы были переполнены, в Саратове в то время было много эвакуированных семей. Подружек по школе, их проделки, совместные походы в театры Ирина Романовна помнила в деталях. Новую школу называли «13-й женский монастырь»: на выпускные вечера директор школы приглашала только суворовцев, остальные мальчишки толпились за дверями.

Папа ушел добровольцем на фронт сразу после речи Сталина 4 июля 1941 года. Мама, по воспоминаниям Ирины Романовны, была «барышней, модницей: туфли из Торгсина, чудные костюмы, блузки, шляпки бесконечные, казалось, абсолютно

не приспособленная к быту». В первые месяцы войны она пошла подсобницей на кухню в военный госпиталь, таскала там тяжелые котлы, надорвалась. В военные годы ей пришлось много и тяжело работать, часто по ночам.

Мамин госпиталь был на другом конце Саратова, куда вела длинная дорога от дома, где оставались дети. Ирина Романовна одевала своего младшего брата Шурика в матросский костюмчик и они, взявшись за руки, шли через весь город к маме. На кухне госпиталя старший повар разрешал детям съесть остатки еды – горстку сухофруктов, головы рыб, стакан молока.

В комнатке без окна, где жили дети, на стене был крюк, на котором в большой наволочке хранились сухари. В семье был постоянный страх перед бомбежкой, мама предупреждала, что во время возможного авиаудара надо взять в бомбоубежище Шурика и эту наволочку. До конца жизни Ирине Романовне снились кошмары, как она бежит с братом скрываться в бомбоубежище.

Саратов бомбили выборочно, чаще всего фашистские самолеты появлялись над другим концом города, со стороны Сталинграда, где были самолетостроительный и нефтеперегонный заводы. Квартал, где жила семья Фишер, находился напротив столицы Республики немцев Поволжья – города Энгельс на другом берегу Волги. Естественно, у немцев были планы города, и эти места не подвергались бомбежке. Что и спасло жителей этого района.

Ирина Романовна вспоминает, как после выселения немцев из Энгельса в Казахстан, на подготовку к которому им дали всего несколько суток, мародеры на лодках переплывали Волгу и грабили квартиры. На рынках Саратова в то время за бесценок можно было купить картины, фарфор, музыкальные инструменты.

Школу Ира окончила в 1947 году с медалью и сразу подала документы на исторический факультет Саратовского государственного университета.

Студенческие годы в Саратовском университете

Ирина Романовна с огромной благодарностью вспоминает годы учебы в университете, связь с которым она сохранила до конца своей жизни, с гордостью причисляя себя к саратовской научной школе медиевистов.

На их курсе училось 75 человек, многие из них были вчерашние фронтовики, у которых был не только большой интерес к учебе, но и значительный жизненный опыт, умение отстаивать свои права. Послевоенное время было трудное, даже тетради студентам в то время выдавали в деканате, за столом сидели по трое.

В университете, кроме исторических дисциплин, Ирина Романовна изучала немецкий и латинский языки, уровень преподавания которых был очень высоким. Так, например, преподавательница немецкого языка Юлия Генриховна Баум, немка по национальности, на занятиях декламировала студентам наизусть стихи Г. Гейне на немецком языке. Со второго курса Ирина Фишер стала дополнительно посещать занятия по французскому языку у эвакуированной из Ленинграда Екатерины Францевны Шаповой. Та учила языку по «силлабической системе»: сначала читать и разговаривать, а потом изучать грамматику. До конца своей жизни Ирина Романовна помнила басни Лафонтена на французском языке. Из университета Ирина Романовна вышла со знанием пяти языков – немецкого, французского, чешского, словацкого и латинского.

Лекции читали замечательные преподаватели: профессор Синицын, Э.И. Герштейн, С.Д. Пумпянский. Многие из них были эвакуированы в Саратов из Москвы и Киева. Вспоминая лекции по истории средних веков Сергея Даниловича Пумпянского, ученика известного ленинградского историка И.М. Гревса, Ирина Романовна рассказывала, что изложение перемежалось целыми пассажами из исторических ис-

точников на латыни и французском языке. Историю Греции и Рима преподавал заведующий кафедрой античной истории Э.К. Путный; русский феодализм читал Л.А. Дербов, новую историю – Л.А. Шапиро; практические занятия по истории СССР вела В.М. Гохлернер. Когда на четвертом курсе студентка Фишер сдавала экзамен Льву Абрамовичу Шапиро по новой истории, то очень нервничала и переживала, хотя вытянула билет с вопросом об образовании лейбористской партии в Великобритании, который она хорошо знала. Увидев волнение студентки, преподаватель, видимо оценивший ее знания уже во время преподавания предмета, сказал: «Возьми зачетку и иди». В зачетке стояла оценка «отлично». Других оценок в зачетке Ирины Романовны Фишер и не было. Училась она все годы только на «отлично».

На пятом курсе спецкурс по средневековой Англии вела Мария Моисеевна Яброва. С этим педагогом, как и со многими другими преподавателями Саратовского университета, Ирина Романовна поддерживала контакты всю жизнь. М.М. Яброва в настоящее время живет в Израиле. Ирина Романовна с ней дружила, перезванивалась и переписывалась до последних дней.

Вспоминая о своих педагогах, Ирина Романовна отмечала не только их высокий профессионализм, но и восторгалась их нелегкими судьбами, отмечая, что это были «люди чистейшей души и высокой эрудиции».

В 1949 году во время борьбы с так называемым космополитизмом полетели самые блистательные умы в Саратовском университете, в основном евреи. Так, например, С.Д. Пумпянского отправили на Сахалин, в педагогический институт. В свою очередь, из Москвы в Саратов был «сослан» известный пушкинист профессор Ю.Г. Оксман.

В эти годы на факультете начал преподавать Соломон Моисеевич Стам, ученик известного медиевиста, академика, автора знаменитых вузовских учебников по истории средних веков С.Д. Сказкина. На третьем курсе студентка Ирина Фишер записалась к нему на спецсеминар по Реформации и Крестьянской войне в Германии. Тема первой курсовой работы была «Крестьянская война накануне Реформации в Германии». С третьего курса Ирина Романовна стало одновременно заниматься в спецкурсе у А.И. Озолина, который на долгие годы стал ее Учителем и Наставником.

Ниже мы приводим полный текст воспоминаний И.Р. Фишер об А.И. Озолине, который был ею подготовлен в январе 2009 года.

И.Р. Фишер

Об ученом и человеке: страницы памяти А.И. Озолина

Случилось так, что мне посчастливилось быть первой дипломницей, первой аспиранткой, а затем и первой докторанткой Артура Ивановича Озолина. Поэтому несколько десятков лет моя творческая и личная жизнь были постоянно связаны с моим Учителем. Учителем не только в науке, но и в жизни.

Впервые он читал курс истории славян, когда я была студенткой III курса (1949–1950 гг.). Тогда Артур Иванович еще работал в пединституте. Слушать его лекции на протяжении полутора часов было нелегко. Ровный тон речи, без эмоций и обращения к аудитории мог быстро утомить студентов, не очень интересующихся его курсом.

Но было другое, главное: любое предложение, фраза, тезис, обобщение содержали в себе особый смысл, значение. В лекциях Артура Ивановича не было «проходных» фраз. Поэтому непрерывно надо было работать головой и пером (в те годы у нас были перьевые ручки и чернильницы).

В конце учебного года я обратилась к Артуру Ивановичу с просьбой о руководстве моей будущей дипломной работой. Помню, он сказал мне почти дословно сле-

дующее: «Ну что ж, дивчина («дивчиной») я оставалась для него долгие годы), начните изучать чешский язык, выпишите для начала по МБА (межбиблиотечный абонемент – Г.Р.) сочинения Яна Гуса на родном языке и одновременно монографию Ф. Палацко-го. А там видно будет. Главное – читайте, чтобы понять общий смысл, а потом уже работайте со словарем». И все. Артур Иванович был лаконичен и никогда не «растекался мыслью по древу». В СГУ тогда вообще не преподавались славянские языки, но в саратовских вузах учились студенты из стран Восточной и Центральной Европы. Не вспомню, каким образом я вышла на чехов, учившихся в сельскохозяйственном институте. Один из них взял на себя тяжелую обязанность помогать мне. И почти каждое воскресенье он работал со мной по полтора-два часа совершенно бесплатно. Так продолжалось в течение всего IV и частично на V курсе. Сравнительно быстро я стала читать тексты сочинений Яна Гуса, т.к. в чешском языке была немало общих корней с русским.

На IV курсе Артур Иванович определил тему моей дипломной работы – «Ян Гус – борец за единую и независимую Чехию». Позднее, когда я работала по распределению в сельской средней школе, Л.Н. Дербов, безусловно с подачи Артура Ивановича, предложил мне прислать статью в «Ученые записки» СГУ (Исторический выпуск). Так появилась моя первая научная работа, которая укрепила желание продолжить образование в аспирантуре.

Но аспирантуру открыли на кафедре истории средних веков только в 1961 году. Естественно, я сразу обратилась к Соломону Моисеевичу Стаму с соответствующей просьбой. Экзамены были сданы успешно, и после обсуждения тематики моей научной работы Стам и Озолин пришли к заключению, что я должна продолжить образование под руководством Артура Ивановича.

Три года мы регулярно работали вместе. Артур Иванович, как всегда, был немногословен и вполне откровенен: «Вот Вам, дивчина, сборник урбариев феодальных панств Словакии XVII века. Материал еще «тепленький»: никем у нас не изученный. Сам я этой тематикой не занимался, так что Вам и карты в руки. Подбирайте литературу, читайте. Работайте систематически не меньше восьми часов в день. На каникулы летом достаточно одного месяца. В конце первого года аспирантуры должны быть готовы первая глава и статья, а в последующие два года – то же самое. С тем, чтобы с окончанием аспирантуры диссертация была готова».

И мы начали работать. Обычно Артур Иванович сам не читал мои главы или параграфы, а слушал мое чтение написанного и по ходу делал свои замечания. Встречались мы всегда в научной библиотеке СГУ, выбирали укромный уголок, я читала, а он расхаживал взад-вперед.

Конечно, нас давно бы могли выставить из библиотеки. Но там к Артуру Ивановичу было особое отношение: почтительное и даже ласковое, что ли. В МБА, зная, что я его аспирантка, мне без задержки выписывали из Москвы или Ленинграда любую литературу. Более того, спокойно выдавали мне ее на дом, будучи уверенными, что я верну все в срок и в целостности-сохранности.

Артур Иванович много читал. Обычно, когда мы встречались, он приносил сдать солидную сумку художественной литературы, или уже набрал новую партию. Читал он толстые журналы, отличал произведения о войне. Наверное, эти книги предназначались и для его семьи.

Мы работали, стараясь уложиться в намеченные сроки. Насколько я помню, первую главу мне пришлось переделывать если не 7, то 6 раз точно. Вторая пошла легче, всего за 2-3 чтения, а третья была принята Артуром Ивановичем сразу, без переделки. Летом 1964 года, к концу учебного года, диссертация была готова, ее прочитали все члены кафедры и в целом одобрили.

Потом, волею обстоятельств, я оказалась в Марийском пединституте. Перед отъездом Артур Иванович кратко напутствовал меня: «Обязательно занимайтесь наукой». Для меня это было больше, чем пожелание. Это был наказ Учителя и Человека, быть достойным которого я считала естественным и необходимым для себя.

А.И. Озолин не был закрытым человеком. Он был сдержанным, и бурные эмоции не были ему свойственны. Но можно было не сомневаться в его доброжелательном отношении к достойным людям. На его сотрудничество и помощь в таком случае можно было всецело положиться.

Но его расположение к человеку много стоило. Когда я была еще аспиранткой, вышла его первая монография. Он дарил ее с соответствующей надписью С.М. Стам, М.М. Ябровой, В.А. Ермолаеву. Мне же сказал буквально следующее: «А Вы, дивчина, приобретете ее в Доме книги, там она продается». Прошло несколько лет, мы не прерывали связи и по науке, и по другим вопросам, а встретились на одной из славянских конференций, кажется, во Львове. Туда он привез свою новую книгу и сам подарил ее мне с трогательной надписью – «Моей ученице». Тогда я окончательно поняла, что он признал меня и как ученого, и, что не менее важно, как достойного уважения человека. Иначе бы я этот подарок не получила.

Не помню, чтобы Артур Иванович громко, как умел иногда С.М. Стам, смеялся. В лучшем случае он улыбался. Он не был лишен остроумия, иногда на заседаниях кафедры шутил, все также ровно, с полуулыбкой.

Но вернемся к моим научным делам. Надо было защищаться. В Саратове диссертационного совета по этой специальности не было. А.И. Озолин посоветовал мне обратиться во Львов, к профессору Похилевичу, который заведовал в университете кафедрой славян. В ответ на мою просьбу я получила от Похилевича положительный ответ и отослала во Львов диссертацию. А через некоторое время получила ее обратно с отпиской секретаря совета о том, что профессор очень занят и не сможет помочь мне.

Конечно, дело было не в занятости Похилевича, человека весьма достойного, а в господствующих уже тогда во Львовском университете настроениях. Мы с Артуром Ивановичем этого не учли, скорее – не знали, наивно считая, что наука, тем более средневековая, должна быть вне каких-то конъюнктурных, политических соображений. Кстати, позднее, при встрече на одной из конференций львовский профессор искренне передо мной извинился.

Еще раньше, когда я была аспиранткой, А.И. Озолин получил приглашение на симпозиум по аграрной истории стран Центральной и Восточной Европы, очень представительный и авторитетный. Он рекомендовал мне подать заявку на участие в симпозиуме с докладом на соответствующей секции. Ответ был положительным. Мой доклад на секции одна из присутствующих дам буквально «размазала по стенке», не стесняясь в выражениях. Когда наступил перерыв, два маститых ученых, один из Института славяноведения (Е.П. Наумов – *Г.Р.*), второй – из ЛГУ (В.А. Якубский – *Г.Р.*), подошли ко мне и посоветовали не огорчаться. Они разъяснили мне подоплеку такого выступления, о чем я не хочу распространяться. Позднее, когда приехал Артур Иванович, ему были принесены извинения. Но не мне – тогда-то я поняла, что научная общественность это совсем не идеальный социум и имеет сложную теневую сторону.

У нас на кафедре этого просто никогда не могло быть. Критика, иногда довольно резкая, всегда велась в рамках приличия и с целью помочь автору статьи или диссертации. Артур Иванович поддержал меня и наказал не впадать в уныние, а продолжать работу. Там же, в Вильнюсе, он дал мне еще один очень строгий урок: никогда не теряться перед научными авторитетами и спокойно соблюдать собственное достоинство. В этом он навсегда остался для меня образцом.

Еще одно яркое, отчасти неожиданное впечатление тех дней. Все участники симпозиума отправились на экскурсию в Тракай. Я осталась, чтобы побывать в центральном соборе старого Вильнюса, где в этот день должен был состояться концерт духовной музыки композиторов XVIII–XIX вв. И там я увидела Артура Ивановича, пришедшего, наверное, с той же целью. Так мне открылась еще одна сторона личности моего Учителя: интерес и понимание классической европейской музыки.

Но вернемся к моей защите. Не сомневаюсь, что именно авторитет Артура Ивановича в научных кругах способствовал тому, что диссертацию приняли к защите в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, хотя сам он никогда и никого об этом не просил. Достаточно было того, что я – его аспирантка. Позднее я много лет поддерживала научно-деловые отношения с Институтом, преимущественно с профессором Е.П. Наумовым, которого, к сожалению, очень рано не стало. Именно в Институте мне посоветовали обратиться к аграрной истории позднефеодальной Чехии. В это время в Чехословакии только что вышел трехтомный фолиант «Чешского терезианского кадастра», с которым я проработала многие годы. Он и стал основой моей докторской диссертации (Ирина Романовна получила экземпляр кадастра из Праги от его составителя видного чешского ученого Й. Петраня – *Г.Р.*).

И когда ректорат Марийского пединститута обратился на кафедру истории средних веков СГУ с просьбой официально курировать мою научную работу, согласие не заставило себя ждать. Так я снова оказалась «под крылом» кафедры, и, в первую очередь, естественно, А.И. Озолина. И стала чаще приезжать в Саратов, получая т.н. «творческий отпуск».

Обычно мы говорили о моей работе по пути к дому Артура Ивановича. Надо сказать, что он и в старости, не говоря о более молодых годах, был убежденным пешеходом. Так мы и шли, размеренно, от старого здания истфака на театральной площади до улицы Рахова, где находился его дом. И многое успевали продумать и обсудить. Его замечания и предложения немало помогли мне в работе.

Затем, когда диссертация была готова, ее еще раз кропотливо обсуждали на кафедре. Но в силу многих объективных и субъективных обстоятельств, она пролежала «в столе» не один год. И только когда в СГУ появился диссертационный совет по моей специальности, я стала первым соискателем, защитившим в нем докторскую диссертацию. Артур Иванович не смог присутствовать при нашем успехе, не смог он и поздравить меня. А через короткое время его не стало.

Беру на себя смелость написать о его личных, душевных качествах, о которых он почти никогда со мной не разговаривал, но которые я могла наблюдать долгие годы. Это – безусловная порядочность и интеллигентность, столь же твердые другие жизненные принципы, строгая дисциплина труда, корректность и одновременно скромное достоинство.

Артур Иванович не придавал большого значения бытовым удобствам и внешним аксессуарам. Нельзя даже представить себе А.И. Озолина в элегантной одежде, красивых галстуках, обуви. Но, общаясь с ним, даже не думаешь об этом, настолько впечатляла его личность, его общество.

Позднее, бывая в их доме, я поняла, что это – стиль их с Ниной Георгиевной (жены А.И. Озолина – *Г.Р.*) жизни: скромный и непритязательный. Всю бытовую сторону этой семьи обеспечивала Нина Георгиевна. Артур Иванович был здесь беспомощен. И это в полной мере сказалось, когда его жены не стало.

После этого во время наших встреч я увидела и почувствовала, какая нежная, ранимая душа была у этого внешне сдержанного человека. Узнала, каким страшным потрясением до конца дней была для него утрата жены. Думается, что от этого удара

он так и не оправился. К тому же Артур Иванович к тому времени уже не работал. Расставание с таким коллективом, каким была наша кафедра, далось ему тяжело.

В последние годы он много гулял. Всегда в одном направлении – на волжскую набережную. С Волгой, летним отдыхом на ее островах у него, по-видимому, были связаны самые яркие и теплые воспоминания. На набережной он мог проводить целые дни.

Не хотелось бы заканчивать свои воспоминания на грустной ноте. Да это было бы и неправильно. Потому что в моей памяти Артур Иванович навсегда остался Учителем, образцом творческой и яркой Личности.

После окончания университета И.Р. Фишер получила распределение на работу учительницей истории в школу на железнодорожной станции Ртищево. Там она полностью отработала положенные три года, с 1952 по 1955 годы, жила у знакомых на квартире. Работа молодой учительнице давалась легко. Дети ее любили, младшеклассники – любя называли ее «молекулой» (за небольшой рост и хрупкость), а старшеклассники – «конституцией» (у них она преподавала историю СССР). Здесь И.Р. Фишер и стала (с легкой руки сельских школьников) – Ириной Романовной (по паспорту Ираида Рувимовна – *Г.Р.*). Бытовые трудности преодолевала порой со слезами: научилась готовить на керосинке, стирать с помощью стиральной доски, заниматься при свете керосиновой лампы. Здесь же ее научили петь частушки и плясать. Но вот искусство носить воду на коромысле так и не освоила, тяжелые ведра с водой носила на руках. Зарплаты в 72 рубля хватало на жизнь (обед в столовой стоил 90 копеек), и даже на книжки и поездки. Именно тогда Ирина Романовна приобрела полное собрание сочинений И.В. Сталина, В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса. И это не было только данью времени. Ирина Романовна искренне принимала коммунистические идеи. После окончания университета она заказала себе портрет Сталина, что было не просто, т.к. для частных лиц портреты вождя не делали. В ее сельской комнате, над кроватью висели два пластмассовых медальона с изображениями Ленина и Сталина. Позднее, будучи уже преподавателем в МГПИ, при чтении лекций по истории средних веков Ирина Романовна прекрасно использовала знания классиков марксизма-ленинизма. Ее студенты наизусть знали основные положения 24 главы «Капитала» К. Маркса и работы Ф. Энгельса по истории германской Реформации. Конечно, в дальнейшем ее политические взгляды, как у большинства советских соотечественников, эволюционизировали. Но она никогда не была политическим хамелеоном и не поддавалась сиюминутной конъюнктуре.

В 1955 году молодая учительница вернулась в Саратов, где год работала в школе в начальных классах, преподавала в радиомеханическом техникуме, была ассистентом на кафедре истории средних веков в СГУ. В 1956 году Ирина Романовна вышла замуж. После окончания Саратовского музыкального училища ее мужа распределили в г. Пугачев Саратовской области директором музыкальной школы. Затем семья вернулась в Саратов. В 1957 году родилась дочь Марина. Сейчас это Марина Владимировна Глезер, кандидат педагогических наук, преподаватель по классу фортепиано в «Детской школе искусств» в музыкальной школе при Баумановском лицее г. Йошкар-Олы. Когда Марине было 4 года, в СГУ объявили набор в целевую аспирантуру при кафедре истории средних веков. Учеба в аспирантуре была непростым временем в жизни Ирины Романовны. Если бы не поддержка отца, было бы трудно успевать. Как вспоминает Ирина Романовна, она вставала в 6 утра, готовила обед на керосинке на коммунальной кухне. Занималась ежедневно с 8 утра до 8–9 вечера. Обед и «тихий час» после него. Этот строгий ритм аспирантской жизни Ирина Романовна соблюдала долгие годы.

После окончания аспирантуры места в университете не оказалось. В 1964 году истфаки с пятилетнего обучения перевели на четырехлетнее, в вузах было сокращение преподавателей. Через «Учительскую газету» Ирина Романовна узнала, что в Йошкар-Оле есть место преподавателя истории средних веков. Она подала документы и в сентябре этого же года поступила на работу в Марийский госпединститут.

Исполняла обязанности заведующей кафедрой истории в то время М.И. Терешкина. Известный филолог профессор Н.Т. Пенгитов оказал ей большую поддержку на Ученом совете, обратив внимание его членов, что конкурсантка имеет готовую к защите диссертацию и знает иностранные языки. Никаких протекций и знакомств не было, что, впрочем, было характерно для того времени. Одновременно из Москвы по распределению после аспирантуры в Московском университете в институт приехал работать Павел Павлович Вандель.

Из воспоминаний профессора Пауля Ванделя (Берлин):

«С Ириной Романовной Фишер я познакомился летом 1964 года. В нашей научно-преподавательской судьбе было много общего. Мы оба специализировались по всеобщей истории: я по новому и новейшему периоду, Ирина Романовна по Средневековью. Оба мы закончили в том году аспирантуру и готовились к защите диссертации, оба мы любили свой предмет и преподавательскую работу.

В вузе близкие отношения завязываются, как правило, между преподавателями кафедры или факультета. Так было и у нас. К началу 1964/1965 учебного года кафедре истории настоятельно требовались три преподавателя всеобщей истории: античник, медиевист и, скажем так, новист. И вот из этих новичков – Ирины Романовны, Василия Николаевича Семенова и меня составилась «малый дружеский круг». Василий Николаевич принадлежал к старшему поколению. Он участвовал в гражданской войне (на стороне красных, разумеется, хотя сейчас белые как будто котируются выше), благополучно пережил злые тридцатые годы, новую войну, новые чистки, и ему было, что нам рассказать, а нам, что послушать. Через пару месяцев после приезда мы получили благоустроенные двухкомнатные квартиры, что было большим счастьем и что оговаривалось условиями конкурса. После этого мы часто ходили друг другу в гости. Посещения сопровождалось обязательным застольем, обсуждали научные, учебные и общественные проблемы. К существовавшей тогда общественно-политической системе мы относились в общем критически, к вождям не испытывали никакого уважения. Возмущали нас и привилегии правящей верхушки, и отсутствие свободы, и большая официальная ложь, пропагандистская трескотня. Но беседы наши были разнообразны, они отнюдь не ограничивались критикой. Мы делились информацией, обменивались впечатлениями о работе и о досуге, о новинках литературы и о многом другом, в том числе и личном. После отъезда Семеновых из Йошкар-Олы наши встречи стали более редкими, оставаясь, однако, постоянными. Всей кафедрой мы встречались нечасто, в основном по приглашению заведующей – Веры Матвеевны Тарасовой.

Как преподаватель и ученый, Ирина Романовна занимала у нас выдающееся место. Лекции ее отличались интересно подобранным материалом, логикой и отличной формой изложения. В них не было ничего, напоминающего схематизм. Темп изложения был самым подходящим для записи. В ходе лекции обязательно разъяснялись все термины, их происхождение и эволюция. Семинарские занятия проходили также очень интересно и при высокой активности студентов. Ее преподавательский талант коллеги, студенты, проверяющие от ректората и т.п. (что бывало крайне редко) ценили высоко, и я не помню никакой критики в ее адрес, кроме одного случая, о котором коротко расскажу. В начале 1970-х годов к нам в институт приехал инспектор из центральной инстанции. Не то из ЦК КПСС, не то из министерства. В общем,

«вершины». Посетив наши занятия, познакомившись с протоколами заседаний кафедры, он разнес нас в пух и прах. Особенно досталось мне, но и у Ирины Романовны он не отметил ничего или почти ничего хорошего, одно только (на его взгляд) плохое. Его замечания были на редкость несправедливы и просто некомпетентны, но очень злы, и его итоговая справка выглядела как обвинительное заключение. Чувствовалось, что он принимал видное участие в разгроме научно-преподавательских кадров в конце 1940-х годов, в период «борьбы с космополитизмом». Никаких дурных последствий его визит для нас не имел...

Областью научной работы Ирины Романовны являлось словацкое средневековье, малоизученное в нашей исторической науке. Вспоминается, как в одном обзоре И.Р. Фишер сочли мужчиной, и глагол использовали в мужском роде прошедшего времени, над чем мы вместе весело посмеялись. Я пожалел, и до сих пор жалею, что в русском языке для подобных фамилий нет формы женского рода, как это имеет место, например, в чешском и литовском языках.

В 1976 году я по семейным обстоятельствам уехал из Йошкар-Олы и должен был искать себе новое место работы. Связь с Ириной Романовной и с остальными коллегами по кафедре у меня прервалась. В 1990 году родственные отношения и события всякого рода занесли меня в Германию, где я с тех пор и проживаю. Но своих коллег я никогда не забывал, обо всех у меня сохранились только светлые воспоминания. Об Ирине Романовне в первую очередь...»

Во время первого приема у ректора МГПИ М.И. Романова тот откровенно спросил Ирину Романовну: «А что Вас сюда занесло?» Действительно, Йошкар-Ола встретила не совсем приветливо: деревянными мостками вместо тротуаров, большими лужами на центральных улицах; у входа в здание института стояла огромная «колода с мочалкой» для мытья грязной обуви. Но в Йошкар-Оле давали квартиру и интересную, по душе, работу. На факультете исполняющим обязанности декана тогда был Г.И. Кириллов, который предложил ей читать лекции по истории славян и истории средних веков. Студенты в те годы были взрослыми, многие после армии. В тот учебный год на истфаке учились будущий ректор МГПИ А.Я. Антипин, известная сегодня в республике искусствовед Л.А. Кувшинская. Заведующая кафедрой истории Вера Матвеевна Тарасова в это время заканчивала докторантуру в Москве, лаборанткой была Лилия Ивановна Морозова. П.П. Вандель читал курс новой истории, В.Н. Семенов – античность, М.Н. Кропотова – русский феодализм, М.И. Терешкина – русскую историю; историю СССР читал А.В. Хлебников, позже он перешел на кафедру истории КПСС; Г.Н. Айплатов учился в то время в аспирантуре. В это же время на кафедре работала Серафима Петровна Захарова, в дальнейшем заведующая кафедрой истории.

Воспоминания дочери С.П. Захаровой, ученицы И.Р. Фишер, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории МарГУ Валентины Георгиевны Сушенцовой прекрасно иллюстрируют этот период жизни И.Р. Фишер:

«Ирину Романовну Фишер я знаю всю мою жизнь, и это не является метафорой. Моя мама Серафима Петровна Захарова пришла работать на кафедру истории пединститута в начале 1964 года, вскоре после моего рождения, и более тридцати лет они были с Ириной Романовной коллегами и добрыми друзьями. Кафедра истории пединститута в 1960–1970-е гг. была не только учебным подразделением вуза, но и коллективом единомышленников, возглавляемым незабвенной Верой Матвеевной Тарасовой. Коллективом, в котором были люди очень разные, но которых объединяла

общая задача – подготовка для республики учителей истории и обществоведения. Помимо учебной работы преподаватели кафедры нередко вместе отмечали праздники, юбилеи, выезжали отдохнуть на природу. И, конечно, они встречались на праздничных демонстрациях в честь 7 ноября и 1 мая. Вопреки идеологическим замыслам властей эти демонстрации превращались в неформальные встречи преподавателей и студентов, хотя и сопровождаемые всеми необходимыми атрибутами советской символики – флагами, портретами вождей и лозунгами. По существовавшей тогда традиции было принято брать с собой детей, поэтому, наверное, впервые я увидела маминих коллег, в том числе и Ирину Романовну на одной из этих демонстраций. Там же я познакомилась с другими детьми – дочерью Ирины Романовны Мариной, внуком Веры Матвеевны Ваней, дочерью Аллы Сергеевны Кузиной Ниной. Многие сегодня с ностальгией вспоминают эти демонстрации, потому что идеология отошла на второй план, а в памяти сохранилось ощущение праздника. Особенно, конечно, это присуще было первомайским демонстрациям, наверное, из-за весеннего настроения, солнечной погоды. Ирину Романовну и мою маму связывала не только общая работа, они нередко общались по телефону, бывали друг у друга в гостях... В начале 1980-х годов я узнала Ирину Романовну в новом качестве – как вузовского преподавателя. Она читала нашему курсу лекции по истории средних веков, вела семинарские занятия по этому предмету. Наверное, всем студентам, которые в разные годы слушали лекции Ирины Романовны, запомнились ее блестящее знание своего предмета, увлеченность им, требовательность на экзаменах. Я была в группе студентов, которые слушали спецкурсы Ирины Романовны по истории средневекового быта и искусства Возрождения. А при написании под руководством И.Р. Фишер курсовой работы о мадоннах Рафаэля я впервые приблизилась к пониманию сущности искусствоведческого анализа произведений живописи. До сих пор меня интересуют вопросы, связанные с историей искусств, а подаренная научным руководителем книга о творчестве Рафаэля занимает свое достойное место в моей домашней библиотеке.

Неизгладимый след в памяти многих поколений студентов И.Р. Фишер оставила не только как преподаватель, но и как неординарная личность. Она обращала внимание не только на знания студентов, но и на их внешний вид и поведение. Обладая прекрасным вкусом, всегда элегантно одетая, она могла позволить себе замечания по поводу внешнего облика студентов. Конечно, порой это было обидно, но для многих молодых людей Ирина Романовна была первым в их жизни учителем хороших манер и умения красиво и со вкусом одеваться. Вспоминаются скептические замечания Ирины Романовны по поводу дешевой бижутерии, ее нетерпимое отношение к верхней одежде, лежащей на последних партах во время лекций, из-за нежелания ее обладателей стоять в очереди в гардероб. С другой стороны, Ирина Романовна могла сделать комплимент обладательнице элегантного платья или прически. Порой, придя на лекцию, она высказывала нам свои претензии к студентам других факультетов (преимущественно спортфака) в связи с их внешним обликом и поведением: они не сочли нужным поздороваться с преподавателем или даже чуть не сбили ее с ног, торопясь куда-то. Помню, что мы невольно гордились собой, что мы историки, люди воспитанные, так сказать «элита» вуза. Невозможно себе представить, чтобы кто-то из наших студентов не поздоровался с Ириной Романовной. До сих пор Ирина Романовна остается поклонницей красивых вещей, в ее сумочке всегда элегантный носовой платочек, она не позволит себе прийти на лекцию, не сменив уличную обувь на изящные туфли...».

Кроме учебной работы преподаватели педагогического вуза в те годы выполняли большую общественную работу. Ирина Романовна была лектором общества «Знание», куратором студенческой группы. Первой группой, где она была куратором, стал выпуск историков 1970 года. Совпадение это или нет, но такого количества звезд – выпускников истфака, не было, пожалуй, за всю историю вуза.

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1970 года, председателя Марийской республиканской профсоюзной организации работников культуры, заслуженного работника культуры Российской Федерации Владимира Петровича Ушнурцева:

«Мы были первыми подопечными Ирины Романовны Фишер. Почему нашу группу историков она очень опекала и любила, стало понятно значительно позже, по прошествии нескольких лет после окончания института. Группа была большая, более тридцати человек, с учетом и кандидатов (была раньше такая категория незачисленных студентов) и после академического отпуска, армии. Возраст студентов соответственно от 17 до 30 лет.

Преподавали у нас известные педагоги В.М. Тарасова, З.И. Равкин, М.И. Терешкина, М.И. Романов, Г.Н. Айплатов, В.С. Патрушев, В.А. Охотникова, Н.В. Семенов, М.И. Михеев, В.И. Юшков и, конечно, любимец всех студентов историков П.П. Вандель. Среди этого созвездия имен молодая, внимательная, строгая Ирина Романовна – наша “классная мама” совсем не выглядела новичком. Лекции, практические занятия часто превращались в бурные дискуссии и исследовательские работы, учились дружно и весело, была доброжелательная обстановка, все было интересно. Но поблажек Ирина Романовна никому не давала. Она сама постоянно находилась в состоянии напряженной работы, с высокой требовательностью относилась к себе и к нам. Прививала культуру общения, поведения и учила учиться. Все четыре года старостой группы был В.Г. Соловьев – правая рука куратора, очень спокойный и мудрый (после службы в армии) человек. Это создавало особую атмосферу творчества, активности в делах группы, факультета, института.

Уровень требований был достаточно высок, не все сумели удержаться в общем потоке, но те, кто закончил институт, а это 34 человека, никто не потерялся. Большинство пошли работать в школу, некоторых пригласили в вузы, семеро работали в МВД и даже в КГБ. Через несколько лет явно проявилось привитое в группе желание заниматься исследовательской работой: кандидатские диссертации защитили С.А. Утрюсина, Т.И. Иванова, А.С. Казимов, Л.А. Гаранин, Л.В. Новоселова, А.А. Андреев. Жаль, что у последнего рано оборвалась жизнь. Активная жизненная позиция, стремление к созиданию выдвинуло многих однокашников на руководящую работу – руководителями школ, учреждений, общественных объединений, государственных структур, где большинство работает до сего дня, честно выполняя свой долг.

Прошло почти 40 лет, как мы самостоятельно идем по жизни. За это время все кардинально изменилось, но чувство признательности и теплоты нашему вузу, педагогам, Ирине Романовне Фишер, стало только сильнее».

В 1967 году Ирина Романовна защитила кандидатскую диссертацию. В 1970-е годы она проходила стажировку в Ленинграде, в Педагогическом институте имени А. Герцена, где прослушала курс лекций А.М. Когана по средневековому быту.

Более 45 лет И.Р. Фишер преподавала в пединституте и университете историю средних веков, вела спецкурсы и спецсеминары по культуре Возрождения и по средневековому быту. Лучше всего об этих лекциях говорят ее ученики, выпускники истфака.

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1975 года, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории МарГУ Олега Генриховича Левенштейна:

«Мое знакомство с Ириной Романовной Фишер состоялось осенью 1971 года, когда я учился на втором курсе историко-английского отделения, где она нам читала курс лекций по истории средних веков. Ирину Романовну я считаю блестящим лектором, высококвалифицированным преподавателем; ее лекции были очень содержательными и интересными. Мне нравилось, когда она во время лекций иногда делала лирические отступления, рассказывая о своих студенческих годах в Саратовском университете, встречах с известными учеными.

Известно, что всякое обучение – это не только передача знаний и умений, но и воспитание. Преподаватель не только словом, но и своим внешним видом, поступками оказывает, в той или иной степени, влияние на своих учеников. Ирина Романовна – всегда аккуратная, с большим вкусом одетая, производила впечатление на студентов.

Незабываемым был спецкурс по истории культуры Западной Европы, сколько нового и интересного узнавали мы из лекций: история знаменитого Кельнского собора, Ахена, шедевры Дрезденской галереи и др. На каждом занятии Ирина Романовна знакомила нас с новинками литературы. Она была также нашей наставницей во время педагогической практики в средней школе № 11. Именно от нее я узнал целый ряд интересных методических приемов объяснения нового материала.

Незаметно пролетело время, но в памяти многих студентов останется плеяда замечательных педагогов педагогического института и среди них Ирина Романовна Фишер».

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1985 года, заслуженного учителя Российской Федерации, учителя истории МОУ «Медведевская средняя школа № 2», лауреата республиканского конкурса «Учитель года-1995» Игоря Ивановича Панова:

«В жизни каждого человека встречаются люди, которые навсегда остаются в памяти, о которых приятно думать, что они рядом. Далеко не всегда духовно близкими становятся яркие, неординарные личности. В этом мне повезло: с искренним уважением, благодарностью и теплотой я всегда отношусь к Педагогу с большой буквы – Ирине Романовне Фишер.

Мое первое знакомство с Ириной Романовной было заочным. Нам, «зеленым» первокурсникам, старшие товарищи говорили о том, что считаться настоящим студентом можно, окончив второй курс и сдав экзамен по истории средних веков. Самое удивительное, встречаясь в коридорах института и здороваясь с ней, казалось, что она тебя давно и хорошо знает.

И вот, наконец, первое занятие, Ирина Романовна перед нами. Мы слышим тихий, неторопливый, выразительный голос, по интонации становится понятно, что на лекциях не «побалуешь». Лекции, семинарские занятия всегда проходили на одном дыхании, все было интересно. Материал подавался так мастерски и нестандартно, что возникало ощущение погружения в эпоху Средневековья. Для нас, студентов, было очевидно – перед нами Мастер, Величина. На занятиях Ирина Романовна учила думать, высказывать свое мнение, опираясь на источники. Незабываемое впечатление и след в моей душе оставил спецкурс по культуре эпохи Возрождения. Возможно, именно тогда появился интерес к искусству, шедеврам мировой культуры. Возникло желание чаще бывать в музеях, на выставках в Москве и Санкт-Петербурге. В Ирине Романовне всегда поражали глубина мышления, эрудиция, очень грамотная и образная речь.

Ирина Романовна всегда выделялась личными человеческими качествами: принципиальностью, требовательностью, аккуратностью. Метким словом могла поставить на место любого недобросовестного студента. Особое, уважительное отношение она проявляла к думающим и любознательным студентам, давая им дополнительную нагрузку и всячески поддерживая интерес к предмету. За внешней строгостью и невозмутимостью Ирины Романовны видишь человека доброжелательного, чуткого и неравнодушного, готового поддержать и посоветовать в трудных ситуациях. Для многих моих однокурсников, приехавших из деревни, Ирина Романовна была не только талантливым педагогом, но и человеком, преподающим нам азы этикета. Яркие примеры, метафоры из жизни прошлого и настоящего, несомненно, способствовали нашему культурному развитию.

Прошло четверть века, как мы отучились и покинули стены нашего института. Наши судьбы сложились по-разному, удивительно, но большинство однокурсников продолжают работать в системе образования, в этом заслуга наших прекрасных педагогов и в первую очередь, таких как, Ирина Романовна Фишер»

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1994 года, работника Марийской таможни Николая Валерьевича Конючкова:

«Философы древности утверждали: если в стране плохие портные, ее народ не имеет добротной и красивой одежды, если плохие булочники, люди едят не самый вкусный хлеб, но если у государства плохие учителя, оно нежизнеспособно. Эта мысль актуальна и сегодня, и особенно в отношении преподавателей истории. Что дает человеку история? Прежде всего – память. Причем память, которая позволяет, рассматривая весь долгий путь человечества, учитывая его победы и поражения, построить общество, в котором каждый человек может почувствовать себя счастливым.

Один из таких светочей, у которых мне посчастливилось учиться, – профессор Ирина Романовна Фишер. Я познакомился с Ириной Романовной в 1990 году, перейдя на второй курс исторического факультета Марийского государственного педагогического института. Помню, как сразу же попал под магнетическое влияние ее неординарной личности, как был восторженно очарован внешней и внутренней красотой этой женщины. Она в моем представлении всегда была «настоящим преподавателем вуза». Ее интеллигентность незримо дисциплинировала аудиторию, превращала проводимые ею занятия в некое таинство, которого все студенты ожидали с волнением и трепетом, а после непременно обсуждали между группами обычно очень возбужденно.

Особое восхищение, которое я испытываю и по сей день, у меня вызывали лекции Ирины Романовны. Удивительно, но они ни разу не показались мне скучными! На ее занятиях я всегда сидел на первой парте, и Ирина Романовна не раз полушутя журила меня за то, что я записывал все слово в слово, даже не пытаясь конспектировать схематически. Но даже если бы мне пришлось вновь прослушать ее курс, я бы делал то же самое. Материал ее лекций был настолько логически безупречен, что при подготовке к экзаменам, все схемы складывались в голове сами собой. Каждое слово ее лекций было воистину «золотым». Ничего лишнего, только скрупулезно отобранные исторические факты, взаимосвязи, хронология, яркие хрестоматийные примеры, изложенные простым, красивым и доступным языком.

Позже, получая второе высшее образование на юридическом факультете Марийского государственного университета, я изучал историю государства и права зарубежных стран. Этот предмет преподавал нам доцент Андрей Андреевич Ярыгин. При подготовке к семинару по истории государства у древних франков, я решил облегчить себе подготовку и вновь обратился к лекциям Ирины Романовны, достав их с высоких антресолей и сдув «пыль времени». Мой ответ Андреем Андреевичем был

оценен как блестящий. Преподаватель был удивлен «моим» умением точно и научно изложить суть проблемы. Признаюсь, я тогда умолчал, что отвечаю по лекциям Ирины Романовны. Но сейчас, пользуясь случаем, низко склоняю перед ней голову, хочу сказать ей спасибо!»

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1994 года, прокурора Медведевского района РМЭ Евгения Сергеевича Савельева:

«Об Ирине Романовне Фишер в студенческой среде во время моей учебы всегда говорили с особым уважением как о Профессионале с большой буквы. Ее лекции завораживали своей стройностью, логичностью и энциклопедизмом. Большинство этих лекций я до сих пор помню и готов сдать экзамен, например, по теме Реформации в Германии, истории великих географических открытий. Ирина Романовна запомнилась не только как крупный специалист в области медиевистики, но и как великолепный педагог, формирующий у молодых людей чувство ответственности за порученное дело, целеустремленность, умение правильно мыслить и говорить. После второго курса, на котором Ирина Романовна вела курс истории средних веков, мы совершенно менялись, становились взрослее и мудрее. Кроме того, она прекрасно разбиралась в наших способностях и видела перспективы своих студентов. Например, однажды Ирина Романовна мне сказала, что из меня бы вышел неплохой юрист. Так оно и случилось, после окончания пединститута я получил второе высшее образование и до сих пор работаю на юридической стезе. До настоящего времени поддерживаю с Ириной Романовной теплые отношения и благодарен ей за наставничество и вложенный в нас интеллектуальный потенциал».

Из воспоминаний выпускницы МГПИ им. Н.К. Крупской 1997 года, учительницы истории и обществознания МОУ «Медведевская средняя общеобразовательная школа № 3 им. 50-летия Медведевского района», лауреата Всероссийского и победительницы Республиканского конкурса «Учитель года–2000» Елены Аркадьевны Халтуриной:

«Осень Средневековья», – так называлась книга, с которой началась моя любовь к истории средневековой Европы. Известно, что название определяет отношение к книге, а гармоничное и слегка сказочное произведение Йохана Хейзинги завораживало. В общем, почти сказкой казался весь курс истории средних веков, который читала нам профессор Ирина Романовна Фишер. Разумеется, сказка заканчивалась с первыми днями сессии, но к этому все оказались готовы: срочно переписывали недостающие лекции, спешно заучивали бесконечные повествования о Генрихе Птицелове или Иоанне Безземельном и, перебивая друг друга, спорили в коридоре о значении Реформации в Европе. Спорили, потому что предстоял единственный экзамен, к которому надо было не просто выучить-вызубрить, а *знать*. Этим и отличался предмет, который преподавала Ирина Романовна: здесь главным требованием было не просто посещение лекций (это, вообще, не обсуждалось), а умение рассуждать, аргументировать, анализировать; приветствовалось *понимание* предмета. Это настораживало и привлекало одновременно – с одной стороны, страшновато отвечать преподавателю, которого уважают до бесконечности и боятся до полуобморока; с другой – уж очень интересно попробовать свои силы в настоящем исследовании... Сейчас я понимаю, что именно тогда, на втором курсе, определилась с профессией окончательно: первый год как-то слегка разочаровал, хотелось все бросить и уйти, но вот после второй зимней сессии я поняла, что мне нравится здесь учиться. Когда пришло время выбирать специализацию, вариантов даже не было: средние века, Ирина Романовна. Лукаса Кранаха, творчество которого изучала тогда, помню до сих пор, а «тех, кто сражается», обожают все мои ученики-шестиклассники, – еще бы, эту тему мы изу-

чаем углубленно, с макетами и турнирами, с мини-спектаклями и костюмами. Это – моя дипломная работа и, кажется, я прочитала о рыцарях все, что можно найти. Писать диплом у Ирины Романовны тогда решились немногие, но ни один не пожалел: мы научились по-настоящему *работать*.

Известно, что упорный труд заслуживает достойного вознаграждения, – настоящим счастьем стало уважение Ирины Романовны. Она позволяла нам, пятикурсникам, спорить и доказывать, обсуждать источники и делать собственные выводы. Мы сокрушались над перечеркнутыми страницами, исправляли и переписывали, но при этом ощущение атмосферы сотрудничества радовало бесконечно...

А еще были точные, мимоходом сказанные Ириной Романовной замечания, которые заставляли «работать над ошибками». «Ва-а-адик, Вы служили в армии? Вы так семените...», и в перерывах между парами Вадик Т. с нашего курса старательно меряет огромными шагами пространство между колоннами в вестибюле, стараясь чеканить шаг и не «семенить»... Фразы, сказанные Ириной Романовной когда-то, запомнились навсегда. Помню, как после какой-то детской и смешной жалобы на то, что «вот что-то в жизни все не удастся», Ирина Романовна серьезно так посмотрела на нас с подругой и со вздохом заметила: «Девочки, это пройдет. Самое страшное в жизни, не считая потери родных и близких, это человеческая неблагодарность...» До сих пор периодически убеждаюсь в справедливости этих слов... Тонкий юмор, безупречный внешний вид, изумительное умение преподавать свой предмет и одновременно воспитывать, неповторимая манера общения, какая-то вселенская мудрость, – в этом для меня обаяние Ирины Романовны.

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1998 года, аспиранта кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета Романа Валерьевича Воробьева:

«В вузовскую пору моей жизни в ходе разговоров с людьми, для кого этот период уже миновал, неизменно затрагивалась одна тема. Если собеседник был выпускником исторического факультета пединститута, обязательно звучал вопрос: «А как там Ирина Романовна?». Если это был студент иного вуза, то он заинтересованно спрашивал: «Говорят, есть у вас там такая Фишер?».

Об Ирине Романовне ходили легенды. Сейчас я понимаю, что именно о ней рассказывали на уроках еще мои школьные учителя. В вузе к предмету истории средних веков студентов готовили с первого курса. Помню, как один из преподавателей говорил, что сдать экзамен Ирине Романовне означает то же самое, что сдать сопромат для студента политеха.

Неудивительно, что к моменту непосредственного знакомства мы подходили соответствующим образом эмоционально ориентированными. Когда Ирина Романовна «проплывала» мимо, студенты замирали со смесью робости, сладкого ужаса и любопытства. Когда во время лекции она обращалась к кому-либо лично, то у самых крепких парней потели ладони и пропадал голос. Сам я был среди успевающих по предмету, а также «оруженосцем» Ирины Романовны (как она это называла, то есть, приносил карты по теме лекций). Тем не менее, помню, как перед экзаменом я, стесняясь, бродил по квартире и бился головой о каждый угол не хуже Августа, узнавшего об истреблении трех легионов в Тевтобургском лесу.

В то же время, по мере общения с Ириной Романовной, незаметно для нас самих происходили изменения в отношении к этому преподавателю. Да, мы трепетали. Да, мы по-разному высказывали свои мысли. Но страх и любопытство, осознанно или неосознанно, сменялись уважением к высокому профессиональному уровню педагога и ученого.

Конечно, мы, студенты, делились впечатлениями и на внеучебных встречах. Помню, как одна из однокурсниц рассказывала, что Ирина Романовна во время лекций неоднократно обращалась к ней с вопросом: «Почему Вы не пишете?» Студентка спохватывалась, начинала писать, но нам она объяснила: «А я просто забываю записывать, я заслушиваюсь».

И заслушивалась не она одна. Лекции Ирины Романовны отличались широтой разворачивающейся картины и, вместе с тем, умение выделить главное, точно подобрать слова, а также непередаваемой манерой изложения. Обаяние эрудированной личности и интеллигентного человека вольно или невольно заставляли отдавать должное. Имя Ирины Романовны становилось для нас символом профессионализма, повышенного требования к себе и изучаемому предмету. Общение с таким преподавателем вело к осознанию того, что бытовой уровень – это отнюдь не потолок, а умственная деятельность – обязанность и ответственность мыслящего человека.

При выборе спецкурсов я без колебаний шел к Ирине Романовне. Нас, таких смельчаков, набиралось немного, и это придавало занятиям оттенок некой кулуарности, близости членов кружка. Нередко занятия происходили даже не в аудитории, а прямо на кафедре. Мы погружались в культуру и быт средневековья, изучали творчество мастеров эпохи Возрождения. Не забуду, как бегал в библиотеку им. С.Г. Чавайна за альбомами репродукций, которые на время занятий по магической формуле «для Ирины Романовны» отдавали на вынос.

Благодаря спецкурсу искусство Возрождения до сих пор остается для меня наиболее понятным и вызывает наибольший интерес. Возможность же показать знакомство с именами Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Дюрера, Лукаса Кранаха Старшего (по последнему я готовил доклад) и иных знаменитых, а также менее известных художников той эпохи всегда способствовала произведению соответствующего впечатления.

Будучи профессионалом, Ирина Романовна могла позволить себе выходить за рамки привычных тем и не ограничивать круг интересов студента. Так, на IV курсе я пошел к ней и сказал о своем желании писать курсовую работу не по художникам эпохи Возрождения, а по явлению «охоты на ведьм». Ирина Романовна не только пошла на встречу, но способствовала тому, чтобы мой интерес не угас и на следующий год. Под ее руководством на V курсе я защитил дипломную работу на эту тему.

Понимание любви и заботы Ирины Романовны по отношению к своим студентам пришло к нам позднее. Лишь с годами в полной мере начинаешь ценить и осознавать, каково было ее желание не только закрепить качество наших знаний, но и помочь, в конкретных случаях, сформировать правильную личную позицию, выбрать верную манеру поведения и общения.

Ирина Романовна помнит большинство своих студентов (а ее ученики не бывают бывшими), всегда интересуется их дальнейшей судьбой. Своим поступлением в аспирантуру при кафедре истории древнего мира и средних веков в Московский педагогический государственный университет я также во многом обязан хлопотам Ирины Романовны, за что испытываю к ней огромную благодарность.

...Прошли годы. Мы, студенты истфака 1993–1998 гг. в чем-то изменились, где-то набрались опыта и житейских знаний. Но всегда, когда мы встречаемся друг с другом или пересекаемся с другими студентами теперь уже бывшего, к сожалению, пединститута, в разговоре возникает вопрос: «А как там Ирина Романовна?» И на него всегда отвечают».

Несомненно, что важное место в жизни И.Р. Фишер всегда занимала научная работа. И не только медиевистика как предмет учебных программ вуза, но и история славян, в частности средневековая история Словакии и Чехии. Об этой стороне деятельности Ирины Романовны лучше знают в центральных российских вузах и за рубежом, чем в Марий Эл. Ирина Романовна неоднократно участвовала во всесоюзных съездах и симпозиумах историков-славистов, которые проходили в Вильнюсе, Киеве, Воронеже, Львове, Минске, Ужгороде, Харькове и Москве. Именно на них она познакомилась со многими выдающимися отечественными славистами, с которыми долгие годы поддерживала личные и научные контакты. Это М.М. Фрейденберг, Б.М. Рыколь, Е.П. Наумов, В.А. Якубский, А.С. Мыльников, В.В. Кутявин, М.В. Дмитриев и многие другие. Одна из таких встреч с саратовскими славистами описана в воспоминаниях **Александра Николаевича Галямичева, доктора исторических наук, профессора Саратовского университета:**

«Об Ирине Романовне Фишер я впервые услышал, будучи еще студентом, на одном из регулярно проводившихся в те (1970-е) годы кафедральном дне «Над чем работают ученые кафедры истории средних веков». О ней говорили как о воспитаннице кафедры, плодотворно работающей в столице Марийской АССР, в главном педагогическом институте этой поволжской республики.

Первое очное знакомство состоялось на IX Всесоюзной конференции историков-славистов, проходившей в сентябре 1982 года в Ужгороде. Это было мое первое выступление с научным докладом за пределами родных стен Саратовского университета. Прошло оно не без шероховатостей, и по окончании секционного заседания Ирина Романовна подошла ко мне, одобрительно отозвалась о моем докладе и очень деликатно дала несколько советов относительно путей преодоления тех трудностей, с которыми я столкнулся во время выступления и обсуждения доклада.

Когда же работа над кандидатской диссертацией была окончательно завершена, я по совету своих учителей (А.И. Озолина, С.М. Стама, М.М. Ябровой) обратился к Ирине Романовне с просьбой выступить в качестве официального оппонента на ее защите.

С первых же секунд телефонного разговора я почувствовал доброжелательность и отзывчивость опытного, мудрого, порядочного человека, согласившегося принять участие в защите диссертации. Она состоялась в Казанском университете, где Ирина Романовна хорошо знали и ценили как специалиста в области изучения славянского средневековья. Ее положительный отзыв о моей работе был очень важен для формирования мнения членов диссертационного совета.

После защиты мы стали регулярно переписываться, делиться новостями университетской жизни, обмениваться новинками специальной литературы. В переписке отчетливо проявились такие черты характера Ирины Романовны, как обязательность, скромность.

Из других встреч особенно запомнился приезд Ирины Романовны на стажировку на кафедру истории средних веков СГУ, особенно тот ее день, когда она выступала перед студентами с воспоминаниями о своих студенческих и аспирантских годах, о тех уроках, которые преподнесла ей жизнь. Главной целью стажировки была подготовка к завершению докторской диссертации, защита которой состоялась в Саратовском университете в мае 1992 года. Эта была первая после долгого перерыва докторская защита по всеобщей истории в Саратовском университете, что само по себе свидетельствует о высоком авторитете Ирины Романовны как исследователя.

Завершив работу над докторской диссертацией, я обратился к Ирине Романовне с просьбой выступить на ней в качестве официального оппонента. И вновь я получил

положительный ответ, а вместе с ним – авторитетного среди историков-славистов нашей страны эксперта.

Общаясь с учениками И.Р., продолжившими научное изучение истории славян в аспирантуре Московского университета и ставшими известными специалистами (А.В. Рандиным, Г.В. Рокиной), я мог убедиться в том, насколько высоко они ценят ее как ученого и человека. Думаю, что этот авторитет складывался из повседневного общения, совместного творческого труда, в котором полнее, чем в чем-либо ином раскрывается личность любого человека.

В заключение скажу, что я благодарю судьбу за то, что и на своем жизненном пути я встретился с замечательным ученым и педагогом – Ириной Романовной Фишер».

Работы И.Р. Фишер по аграрной истории средневековой Европы печатались в журнале «Советское славяноведение». Она участвовала в составлении «Хрестоматии по истории южных и западных славян» для университетов, подготовив разделы «Чешские земли и Словакия» (1987). Только в ее личной библиотеке можно было найти такие редкие издания, как «Хисторицкий часопис» («Historicky casopis»), который выпускался с 1967 года до начала 1980-х годов. Именно из этого журнала она узнала о публикации в Чехословакии редкого издания – «Терезианского кадастра». По ее просьбе известный чешский ученый, составитель кадастра Й. Петрань прислал из Праги все три тома. Эти документы на чешском языке легли в основу докторской диссертации И.Р. Фишер «Феодальное поместье Чехии конца XVII – первой половины XVIII вв.», которую она защитила в Саратовском университете в 1993 году. Любовь к Чехии, ее истории и культуре всегда была присуща творчеству Ирины Романовны. Она хорошо знала и чешский, и словацкий языки, именно она преподавала и мне (Г.В. Рокиной – авт.-сост.) первые уроки этих языков на третьем курсе историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Здесь стоит оговориться, что учебная программа педагогического института не включала изучение курсов истории южных и западных славян. Этот курс читался в Марийском университете, который был открыт в 1972 году. В нем с 1973 года И.Р. Фишер на условиях совместительства преподавала историю средних веков для студентов исторического отделения. Здесь появились ее первые ученики по истории славистики, Александр Рандин и Галина Рокина, продолжившие научную школу И.Р. Фишер, основа которой была заложена в Саратовском университете А.И. Озолиным и преподавателями кафедры истории средних веков СГУ.

Из воспоминаний выпускника Марийского госуниверситета 1977 года, представителя Торгово-промышленной палаты РФ в Словакии, кандидата исторических наук, преподавателя Университета им. Я.А. Коменского (Братислава) Александра Валентиновича Рандина:

«Я и моя сокурсница, Галина Коснова-Рокина, познакомились с Ириной Романовной Фишер на втором курсе университета, когда она пришла к нам читать лекции по истории средних веков. Курс наш был необычный, небольшой – 25 человек, это был первый набор на историческое отделение первого в республике университета. Поэтому апломба и амбиций у нас было не счесть. В какой-то степени они и оправдались. Среди выпускников нашего курса два доктора исторических наук – Татьяна Шикаева (Никитина) и Галина Рокина, три кандидата исторических наук – я, Валерий Петров, Олег Данилов; профессора, доценты, преподаватели вузов, работники научно-исследовательского института, музейные работники, профсоюзные лидеры, учителя высшей категории, офицеры, государственные служащие. Но тогда, в начале

1970-х годов, конечно, мы были еще совсем юными и малоопытными людьми. Таких нас впервые и узнала Ирина Романовна. О ней мы к тому времени были «наслышаны», т.к. дружили с параллельным курсом из пединститута (устраивали совместные вечера, танцы, песни под гитару). Побавались и немного «куражились», вот такие мы – университетские! Лекции, конечно, очаровали: Ирина Романовна погрузила нас в мир средневековья, ее речь было легко конспектировать, все было подчинено строгой логике изложения. Но первые два практических занятия были нами сорваны: мы не были еще приучены работать с историческим источником, а эту работу она считала важнейшей составляющей учебы в вузе. Лишь с третьей попытки были освоены средневековые хроники Франции, мы приняли и поняли требования И.Р. Фишер, и началась совместная работа. Во время этих занятий у нас появилось желание глубже изучать проблемы средневековья. Трое студентов – Олег Данилов, Галина Коснова-Рокина и я записались на спецкурсы и спецсеминары И.Р. Фишер по индивидуальному плану. Большая благодарность нашему первому заведующему кафедрой тех лет Александру Германовичу Симонову, который пошел навстречу и внес изменения в учебные планы. Итогом этой совместной научной деятельности стали курсовые и дипломные работы по истории Чехии и Словакии. О. Данилов позже переключился на проблемы античности и защищал дипломную работу по другому периоду истории.

Эти индивидуальные занятия, действительно, были индивидуальными. Мы слушали лекции и занимались практической работой дома у Ирины Романовны, на улице Рябинина (тогда она была Заводская). Помню тот трепет и робость, которые мы испытывали, когда впервые переступили порог ее квартиры. Но уже вскоре она стала для нас очень родной и уютной. Нам читались лекции по истории Чехии и Словакии, «второму изданию крепостничества», преподавалась методика и методология научных исследований. Очень много внимания уделялось изучению чешского и словацкого языков, переводу документов, их анализу и систематизации.

Успешная защита дипломных работ стала той ступенькой, с которой началась наша дальнейшая научная деятельность. В 1982 году мы с Галиной Косновой-Рокиной поступили в аспирантуру кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета. Немалую, а может, и решающую роль сыграл тот факт, что мы были учениками И.Р. Фишер и писали дипломные работы по истории славян. Во время учебы в аспирантуре у профессора Л.П. Лаптевой нам очень пригодились все те знания и навыки, которые нам дала И.Р. Фишер.

Сегодня моя жизнь полностью связана с теми странами, историю, язык и культуру которых я впервые узнал благодаря урокам Ирины Романовны Фишер. Я благодарен судьбе, что на своем жизненном пути я встретил Учителя и Человека, который преподнес самые главные уроки жизни – честности, верности, благородства. Сегодня я только могу сожалеть о том, что при ее жизни не успел сказать ей все те слова благодарности и уважения, которые она заслуживает».

Еще одним учеником Ирины Романовны, которым она гордилась и который продолжил ее научные изыскания, является Валерий Леонидович Ларионов, выпускник Марийского пединститута 1980 года. Он продолжил послевузовское образование в Московском педагогическом университете и защитил кандидатскую диссертацию по средневековой Англии. Сегодня он, один из ведущих ученых Марийского государственного университета, продолжает дело Ирины Романовны – читает курс лекций по истории средних веков.

Ирина Романовна всю жизнь усердно занималась научной деятельностью. В 1993 году она защитила докторскую диссертацию. Об этом периоде вспоминает бывший

в те годы **проректором по научной работе МГПИ, доктор исторических наук, профессор Валерий Алексеевич Морозов:**

«...Помню, как упорно, настойчиво она работала над докторской диссертацией. Ирина Романовна не любила об этом распространяться и защитилась как-то вдруг, для многих, и для меня тоже, неожиданно. Ирина Романовна – прирожденный педагог, опытный вузовский преподаватель... Меня больше всего восхищает в ней ее интеллигентность. Академик Д.С. Лихачев говорил, что можно притвориться добрым, но нельзя притвориться интеллигентным. Интеллигентность Ирины Романовны естественная, это, думаю, ее стержень, суть...».

За заслуги по подготовке педагогических кадров для Республики Марий Эл И.Р. Фишер было присвоено звание «Почетный профессор».

Из воспоминаний ректора Марийского госпединститута в 2003–2008 гг., кандидата юридических наук Валериана Александровича Егорова:

«Служу России», – так кратко и емко ответила Ираида Рувимовна Фишер в декабре 2007 года во время процедуры присвоения ей решением Ученого совета ГОУВПО «Марийский государственный педагогический институт им.Н.К. Крупской» звания «Почетный профессор» за значительный вклад в развитие педагогического образования и воспитания молодежи.

В этих словах и в целом образе Ираиды Рувимовны мы видим истинного профессионала – патриота, бескорыстно любящего свое Отечество и людей, посвятившей всю свою жизнь верному служению его Величеству – Образованию.

Я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось работать с ней в одном коллективе в Храме Знаний – институте и на кафедре истории и права. Она оставила в моей душе глубокое впечатление мудрого, высокообразованного, интеллигентного и справедливого человека, обладающего энциклопедическими знаниями, прозорливостью, творившей до последней минуты непростой своей жизни добро во имя настоящего и будущего... Светлая ей память...

В последние дни своей жизни Ирина Романовна тяжело болела, но продолжала работать: читала текст диссертации Р. Воробьева, обсуждала тему и план дипломной работы Л. Чулкова, беспокоилась, как идут дела на кафедре у коллег, как их здоровье и все ли благополучно в семьях. Говорили мы и о «грядущем» юбилее. Она не хотела его отмечать: и здоровья нет, и времена не те, но больше всего не хотела слышать высокопарных и фальшивых речей. Юбилей Ирины Романовны мы будем отмечать без нее... И жить будем дальше, сохраняя память об Учителе и Человеке, стараясь не уронить ту планку педагога и ученого, которую она так высоко установила.

А.Н. ГАЛЯМИЧЕВ

**САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НА ЖИЗНЕННОМ И ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ И.Р. ФИШЕР**

Каждый юбилей – это повод оглянуться назад, подвести итоги, отделить главное от второстепенного, вспомнить о важнейших этапах пройденного юбиларом пути.

В судьбе И.Р. Фишер особое место занимает Саратовский университет, с которым были связаны ее первые шаги в науке. Прежде всего следует вспомнить о том, что она